Добаев И.П., д.филос.н., проф.

Современный терроризм на Северном Кавказе: эволюция форм и методов специфической практики

В статье анализируется ситуация, связанная с развитием террористического движения на Северном Кавказе. Рассматривается эволюция форм и методов деятельности северокавказских террористических группировок. Выявляются каналы внешнего влияния на этот процесс.

Ключевые слова: радикальный исламизм, терроризм, террористические акты, терроризм смертников (шахидизм).

Вышедший в конце XX в. на мировую арену качественно новый, неизвестный ранее транснациональный терроризм, зачастую имеющий исламистскую окраску, безусловно, был предопределен процессами глобализации и установления нового мирового порядка. Курс на однополярную глобализацию, осуществляемый в интересах Запада, прежде всего США, является явной угрозой гармоничному развитию человечества, традиционных конфессий и национальных культур. Глобализация по-американски разрушает традиционный жизненный уклад, подрывает основы веры, внедряет в общество нормы и штампы, несовместимые с исламскими представлениями о благочестии, негативно влияет на молодое поколение, отрывая его от веры отцов, от нравственных и культурных корней [1]. Рассматривая ход мирового политического процесса под таким углом зрения, становится очевидным, что современный терроризм представляет собой системный вызов складывающемуся однополярному мироустройству при «глобальном лидерстве США» [2].

Неудивительно поэтому, что одной из форм противодействия цивилизационному натиску Запада, оформленному сегодня в «жесткие» и «мягкие» формы войны против других цивилизаций, стало появление и разрастание «нового терроризма» – глобального и транснационального, – с одной стороны, и одновременно регионального и даже локального, – с другой. Образование в своей совокупности мощных разветвленных структур террористов, их активизация, стали причинами разработки аналитиками некоторых государств концепции, отождествляющей терроризм с войной. Так, автор авторитетного информационно-аналитического справочника по негосударственным военизированным системам «Четвертая мировая война» Джангир Арас предложил следующее определение данного феномена: «Терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства» [3].

Одновременно следует подчеркнуть, что терроризм представляет собой идеологию (идеологическую доктрину) и основанную на ней политическую практику. Без идеологической составляющей, без наличия определенного интереса (политического, экономического и т.д.), терроризм уже не был бы терроризмом, превратившись в заурядное уголовно-криминальное действие [4]. Причем идеологическая составляющая терроризма носит именно террористический, а не экстремистский или радикальный характер [5].

Террористические группировки рождаются и функционируют вне поля правового регулирования и способны пронизывать все общество. Они могут развиваться и функционировать в любой – нейтральной, дружественной или враждебной – среде и создавать свою инфраструктуру на транстерриториальной основе, опираясь на современные коммуникативные технологии, легальные и нелегальные методы мобили-

зации и использования людских ресурсов. Они накрепко спаяны общей идеологией, какую бы окраску она не принимала (яркий пример – человеконенавистническая идеология радикального исламизма, которая делит мир на «своих – единобожников» и «чужих – врагов ислама» – И.Д.), что снимает проблему оправдания человеческих жертв, способствует жесткости внутренней организации и повышению уровня ее конспиративности.

На базе идеологии радикального исламизма во многих частях так называемого «исламского мира», в том числе в северокавказском регионе России, возникли радикальные неправительственные религиозно-политические организации, неизбежной политической практикой которых стал терроризм.

На Северном Кавказе с начала 2000-х вследствие распыления организованного ичкерийского сопротивления, перехода на партизанские методы ведения боевых действий, а затем и вследствие формирования на территории северокавказских республик подполья, сепаратистское движение перешло исключительно к диверсионно-террористическим формам и методам борьбы.

Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. При этом характерной тенденцией выступает то обстоятельство, что многие теракты последних лет были связаны с Чечней лишь опосредованно. Терроризм помолодел, интеллектуально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Особенно тревожная ситуация в последние годы фиксируется в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, несколько улучшилась обстановка в Ингушетии, а также в Чечне.

Анализ ситуации свидетельствует, что в республиках Северного Кавказа экстремисты чаще применяют акции адресного терроризма, в основном направленные против представителей местных властей. Главный вектор террористической активности в северокавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. В то же время, вне северокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее северокавказском регионе, то, согласно им, пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90 % – против сотрудников правоохранительных структур и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года в русле данных официальной статистики наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90 % отнесены к Югу России. В последующие годы официальная статистика свидетельствовала о дальнейшем последовательном спаде террористической активности. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на «нет» [6].

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 г., понятие террористического акта значительно сузилось. Так, сейчас для квалификации преступления как террористического акта обя-

зательным является наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране в последние годы стали крайне редким преступлением. Так, в 2007 г. – только 48 терактов, т.е. впятеро меньше чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. В 2008 г. в Российской Федерации было зафиксировано всего 2 теракта (по одному – в Дагестане и Северной Осетии-Алании) [7].

Тем не менее, в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно, не отвечая истинному положению дел. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации было зарегистрировано только 6 терактов (по два – в Дагестане и Чечне, по одному – в Ингушетии и Тверской области), в 2010 г. – уже 23 теракта (11 – в Дагестане, 3 – в Ставропольском крае, по 2 – в Москве и в Ингушетии, по одному – Санкт-Петербурге, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Краснодарском крае и в Орле). По состоянию на 1 октября 2011 г. – 10 террористических актов (6 – в Дагестане, 2 – в Чечне, по одному – в Московской области и в Хабаровском крае) [7]. Как видим, большинство – на Юге России.

Однако если обратиться к статистике, озвученной правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 %). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских) [8].

Не менее удручающую статистику озвучивают ученые из Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) [9, с. 24-32]. Согласно представленным ими данным, число совершенных боевиками терактов ежегодно исчисляется сотнями.

Так, согласно статистике ЮНЦ РАН, в 2006-2007 гг. большая часть преступлений террористической направленности фиксировалась в Чеченской Республике (370 и 160 терактов соответственно). С 2008 г. ситуация в республике меняется, а периоды роста напряженности сменяются периодами стабилизации. Эксперты объясняют этот процесс личностью главы республики, при котором с бандитами ведется бескомпромиссная борьба, характерной чертой которой выступают задержания, склонение бандитов к явкам с повинной (явление, ставшее повсеместным на территории всего Северного Кавказа только в 2011 г.). Тем не менее, в Чечне до сих пор отмечаются крупномасштабные столкновения бандгрупп и представителей силовых структур на фоне регулярно проводимых спецопераций. Общее число участников открытых боестолкновений в 2011 г. достигало ста и более человек [9, с. 25].

В Ингушетии в 2008-2010 гг. было совершено около тысячи преступлений террористического характера, в том числе в 2008 г. – 454 акта. В 2009 г. ситуация начала стабилизироваться на фоне усиления антитеррористических действий (спецоперации, изъятия оружия и боеприпасов, задержания), а власть впервые пошла на прямой диалог с населением. В результате неуклонное снижение числа насильственных инцидентов в 2010 г. завершилось практически полным «умиротворением» рес-

публики в 2011 г. Общее снижение террористической активности в 2011 г. по сравнению с 2008 г. достигло 10-кратного уровня [9, с. 25-26].

Однако скачки терроризма стали отмечаться в Дагестане, где в 2010 г. число терактов (более 400) увеличилось втрое по сравнению с 2008 г., эта же тенденция сохраняется в 2011 г. Спецификой Дагестана остаются нападения на представителей различных уровней власти, сотрудников силовых ведомств и служителей мусульманского культа (в среднем около 100 покушений в год) [9, с. 26].

С 2008 г. в зону нестабильности начала втягиваться Кабардино-Балкария, и пик напряженности пришелся на 2010 г., когда число терактов составило 159 случаев, что на 73 % превысило показатели 2009 г. Только с марта 2011 г. стало возможным говорить о некотором улучшении ситуации [9].

Вместе с тем, на общем фоне незначительного снижения деятельности боевиков в субъектах СКФО и ЮФО, в 2011 г. наблюдался резкий рост террористической активности в Карачаево-Черкесии (в 4,5 раза) и в Ставропольском крае (в 2 раза) по сравнению с 2010 г. Не снижается вероятность проведения диверсионно-террористических акций в Северной Осетии [9].

Таким образом, диверсионно-террористическая активность радикальных исламистов в 2000-х по-прежнему выступает значимым фактором дестабилизации политических процессов на российском Юге, и не только. Практика переквалификации террористических атак на другие статьи Уголовного Кодекса РФ не уменьшает накал терроризма, а только камуфлирует реально складывающуюся ситуацию, дезориентируя органы власти и управления, а также тех, кто ведет реальную борьбу с террористами.

Вместе с тем, расширяется география обнаружения схронов боевиков. В 2009 г. впервые они были обнаружены на территории Адыгеи, Калмыкии и Астраханской области. Как свидетельствует официальная статистика, чаще всего террористические акты осуществляются с использованием взрывных устройств или посредством применения огнестрельного оружия. Причем явной тенденцией последнего десятилетия является превалирующее применение взрывных устройств, в то время как огнестрельное оружие стало использоваться реже, а объектами террористических атак, как правило, становятся сотрудники силовых структур [10].

В подавляющем большинстве случаев посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов совершаются путем приведения в действие самодельных взрывных устройств, закладываемых под автомобили, либо по пути следования потерпевших, обстрела автотранспорта, стационарных постов ДПС, зданий правоохранительных органов и жилых домов сотрудников из автоматического оружия и гранатометов.

В контексте разрастания терроризма на Северном Кавказе, безусловно, интерес представляет статистика террористической активности, формы и методы деструктивной деятельности террористов в мире. Так, например, Национальный антитеррористический центр США (NCTC) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имело место 11800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14500, в 2006 г. – 14000, в 2005 г. – 11000, а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, - 3192 [11].

Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40 %) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке 2 года подряд, в 2007-2008 гг., их число снижалось. В то же время, в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты

в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55 % от общего числа терактов в мире. 140 % рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западном полушарии в указанный период отмечено сокращение числа терактов на 25 %, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30 %. В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340 %, в Афганистане – на 100 %, в Индии – на 30 %, в других странах Южной Азии – на 45 % [11].

Как и в прежние годы, в 2008 г. при проведении большинства терактов в мире использовалась уже известная тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей. Террористы продолжали прибегать к проведению скоординированных по времени нападений, когда вскоре после первого теракта они осуществляли второй, направленный уже против сотрудников специальных и спасательных служб, прибывших на место происшествия.

В 2008 г. в результате терактов в различных странах мира погибло или было ранено свыше 50 тыс. человек, причем большинство из них являлось мусульманами. 65 % жертв террористических нападений были мирными жителями. Обращает на себя внимание тот факт, что дети продолжают составлять непропорционально большое число жертв. Так, в 2008 г. количество погибших детей возросло на 10 % [11].

Эксперты прогнозируют рост количества террористических актов в мире, что связано с проведением американцами операции «Аф-Пак» на территории Афганистана и Пакистана, реальной или вымышленной ликвидацией в Пакистане лидера «Аль-Каиды» Усамы бен-Ладена, инспирацией «цветных революций» в некоторых государствах Ближнего Востока и Северной Африки и, главное, применение вооруженных сил НАТО при решении ливийской проблемы, нацеленность на аналогичные действия в Сирии и Иране.

На общем фоне эскалации террористического насилия продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, которые исламистами ошибочно именуются «шахидами». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в исламе *шахидом* признается воин, *муджахид* (букв. участвующий в *джихаде*), погибший во время сражения «на пути Аллаха», даже если он был убит не на поле боя, а умер случайно или непреднамеренно от собственной же руки. Этот тип мученика называется «совершенным *шахидом*», поскольку он признается мучеником, как в этом мире, так и в жизни последующей, после смерти, где получит заслуженную награду от Бога [12]. При этом исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между «совершенными шахидами» и террористами-самоубийцами.

Несмотря на то, что терроризм смертников отмечался и в прежние века ислама, тем не менее, расцвет этого явления пришелся на вторую половину XX – начало XXI вв. Как утверждает отечественный исследователь данного явления С.И. Чудинов, терроризм смертников ведет свои истоки от шиитской версии радикального ислама, пустившего свои корни в разорванном гражданской войной и иностранной оккупацией Ливане. Большинство экстремистских движений, воспринявших и адаптировавших тактику атак смертников к условиям социально-политического конфликта на своей родине в 1990-е гг., копировали ливанскую модель сопротивления, с которой они имели возможность познакомиться самым непосредственным образом (боевые кадры этих группировок проходили военную тренировку в Ливане в то время, когда радикальные шиитские партии впервые апробировали атаки смертников). Ливанская модель, в свою очередь, была подражением опыту иранских басиджей

времен современной ирано-иракской войны, вспыхнувшей вслед за исламской революцией 1979 г. в Иране [13, с. 88].

Хотя в настоящее время за большинством террористических актов с участием смертников стоят исламистские группировки, религиозная составляющая мотивации не столь обязательна для всех исторических разновидностей терроризма смертников. Иногда дух националистической борьбы миноритарной этнической общности и культивируемая в ней идеология самопожертвования доводятся до столь крайнего альтруизма в отношении идеала независимой родины, тесно переплетаясь с чисто восточным культом харизматического лидера повстанческого движения, что этого может быть достаточно и без религиозных стимулов для воспитания готовности в адептах националистического движения превратить себя в живые бомбы. В качестве примера можно привести соответствующую практику «Тигров освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке или курдских сепаратистов из Рабочей партии Курдистана, устраивавших самоподрывы в Турции и т.д. Националистический компонент был силен даже в самом Ливане, родине современного терроризма смертников, в среде светских националистических партий и группировок Ливана (Сирийская социально-националистическая партия и др.). Однако все же радикальный ислам остается важнейшей культурно-идеологической основой распространения терроризма смертников в современном мире. Более того, именно исламистская интерпретация идеала исламского мученичества легла в основу его глобализированной формы [13, с. 88-89].

Вместе с тем, количество терактов в мире с использованием самоубийц продолжает оставаться серьезной проблемой для отдельных регионов мира. Например, оккупированный войсками США и их союзников Ирак в этом плане в середине 2000-х гг. поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркли. Пиковыми годами оказались 2005-й и 2007-й – 478 и 442 случая использования «живых бомб» соответственно. В 2009 г. в Ираке было зафиксировано немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего же в 2003–2008 гг. в этой стране было зафиксировано около 1700 взрывов, осуществленных смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» – Афганистан, где с 2006 г. ежегодно фиксируется в среднем по 140 акций самоподрывов [14, с. 11-12]. В последние два-три года в этот разряд вошел и Пакистан, где взрывы самоубийц звучат с нарастающей частотой.

С июня 2000 г. терроризм смертников появился на российском Северном Кавказе. Уже в начале 2000-х гг. известный чеченский полевой командир Ш. Басаев объявил о создании подразделения смертников под названием «Риядус Салихийн» («Сады праведных»), которое не отражало какую-то единую структуру, но было скорее вывеской, под которой лидер экстремистов объявил о своей причастности к подготовке атак смертников.

Как подчеркивает С. Чудинов, во многих отношениях терроризм смертников в Чечне необычен. Во-первых, для него характерен очень высокий процент женщин – исполнительниц атак смертников. Специалисты в области психиатрии и психологии Анна Спекхард и Хапта Ахмедова, проводившие специальные исследования чеченского терроризма смертников, подсчитали, что женщины-смертницы принимали участие в 22 из 27 террористических операций с участием смертников (с июня 2000 по май 2005 г.). Их доля среди смертников составила 43 % (47 из 110 человек). Что касается объектов покушений, то из 28 террористических операций с участием смертников, осуществленных с июня 2000 по июль 2005 г., 10 были нацелены на военные объекты, 4 – на промосковские правительственные учреждения и официальных лиц правительства Чеченской Республики, 14 – на гражданские объекты (из них 8 про-

изошли в Москве). В первые два года атаки смертников происходили только в Чечне и были нацелены на российские военные базы, в последующем наблюдался процесс расширения ареала их осуществления. В 2003-2004 гг. был достигнут пик интенсивности чеченского терроризма смертников, который, тем не менее, до сих пор остается в республике маргинальным явлением, не одобряемым местной общественностью [15, с. 65].

В 2009 г. был зафиксирован новый всплеск терроризма смертников на Северном Кавказе, при этом терроризм самоубийц как специфическая практика радикальных исламистов уверенно вышел за пределы Чечни и затронул не только соседние с ней Дагестан и Ингушетию, но и некоторые другие российские регионы, утратив при этом исключительно чеченский этнический облик. В частности, летом 2009 г. было совершено громкое покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, ответственность за которое взял Доку Умаров и возрожденные им бригады «Риядус Салихийн». В 2009 г. на территории Чеченской Республики «живыми бомбами» стали 10 человек, в Республике Ингушетия – 4, и в Республике Дагестан – 1 [16, с. 12]. Террористы-смертники успели отметиться в Северной Осетии, Ставропольском крае и Москве. Эта же тенденция сохранялась в 2010-2011 гг. Так, по официальным данным НАК РФ, в 2010 г. из 23 зарегистрированных в стране терактов 8 совершены смертниками, а за девять месяцев 2011 г. из зафиксированных 10 терактов – 4 на счету террористов-самоубийц [17]. Периодически правоохранительным органам в результате спецопераций удается ликвидировать или задерживать потенциальных смертников, но далеко не всегда.

Как свидетельствует практика, в основном роли «живых бомб» на Северном Кавказе выполняют юноши и женщины, как правило, так называемые «черные вдовы» (вдовы убитых боевиков, для которых в специфических условиях Кавказа со смертью их мужей заканчивается не только супружеская жизнь, но и в ментальном плане утрачивается смысл жизни как таковой). Подготовка таких смертников ведется групповым методом по специально разработанной методике с использованием зомбирующих технологий, учебно-тренировочных заданий, формирующих жесткие мотивационные установки, с соответствующей атрибутикой и ритуалами.

Однако в последние годы террористами-смертниками стали преимущественно юноши и молодые мужчины. Развертывание «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном исламизме, участии наемников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов», из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют 3 процента всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится 48 % жертв [18]. Что касается России, то за период с августа 1999 г. по сентябрь 2009 г. террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Как отмечалось выше, в 2010-2011 г. зафиксировано еще 12 случаев самоподрывов. Таким образом, в 1999-2011 г. смертниками совершены 53 террористические акции. Для сравнения: в Израиле за период т.н. «интифады» (первая интифада в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000 г. – И.Д.) взорвали себя 59 палестинцев [19]. Иными словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ

уверенно догоняет Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц за последние десять лет явно ее превосходит. Правда, следует отметить, что безусловными лидерами по проведению акций террористов-самоубийц сегодня выступают Афганистан и Ирак, оккупированные войсками США и их союзников. Ежегодно там, а также и в Пакистане, фиксируются сотни акций самоподрывов.

Для поддержания и усиления уровня террористической активности северокавказские боевики предпринимают недюжинные усилия, направленные на восстановление понесенных потерь. Эмиссарами бандподполья осуществляются меры по внедрению религиозно-экстремистской идеологии в сознание, прежде всего, горской молодежи. В этих целях тиражируются и распространяются исламистские книги, брошюры, листовки, DVD-диски, видеокассеты и, конечно, используются возможности Интернета. Сотрудниками правоохранительных органов регулярно изымается внушительное количество такого рода идеологической продукции. Характерно при этом, если еще в 2008 г. эти материалы обнаруживались в большинстве случаев в схронах и на базах боевиков, то уже в 2009-2011 гг. – преимущественно в домовладениях граждан.

Как следствие, сегодня по возрастному составу участников террористическое движение является преимущественно молодежным. При этом по социальному положению оно, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, безработных, с приниженным социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.). Вместе с тем, не уменьшаются и масштабы наемничества, представители которого основательно представлены в составе северокавказских НВФ. Более того, боевикам «стало удаваться вербовать в свои ряды славян» [20].

Таким образом, факты, представленные в настоящей статье, позволяют утверждать, что не только в рамках идеологических доктрин радикальных исламистов и в их организационной деятельности, но и в области использования форм и методов проведения террористической деятельности северокавказские сепаратисты так же, как и на других направлениях своей разрушительной активности, не изобрели ничего нового, оригинального, собственно своего по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока.

Рассмотрение форм и методов осуществления террористами специфической политической практики позволяет утверждать о весомости воздействия внешнего фактора на процесс функционирования джихадистского движения в северокавказском регионе России. Прежде всего, это связано с идеологической, финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в рядах северокавказских боевиков в разные периоды времени значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока, других уголков «исламского мира». Разноплановая и массированная внешняя помощь выступает весомым фактором радикализации здесь «ваххабитского» движения.

Литература

1. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 377.

2. См. об этом: *Бжезинский З*. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

3. *Арас Джангир*. Четвертая мировая война. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 10.

4. *Добаев И.П., Немчина В.И*. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / Под ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Дону.: Ростиздат, 2005. С. 40.

5. См. об этом: *Добаев И.П.* Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: Взгляд из регионов / Науч. ред. А.В. Малашенко. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 35-64.

6. *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010. ноябрь. С. 11.

7. См. об этом на официальном сайте Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ: www.nak.fsb.ru.

8. Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. 2010. 24 февр.

9. *Матишов Г.Г., Пащенко И.В.* Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. С. 24-32.

10. См. об этом: www.nak.fsb.ru.

11. См. об этом: *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: основные черты, активность, опыт противодействия // Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма: Сб. мат. межрег. науч..-практ. конф. (28 апреля 2010 г., СКАГС, Ростов н/Дону). Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010. С. 40-41.

12. Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Сост. Э. Чапан. М., 2005. С. 144.

13. Чудинов С.И. Терроризм смертников. М.: Флинта, Наука, 2010. С. 88.

14. Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010. ноябрь. С. 11-12.

15. Чудинов С.И. Указ. соч. С. 65.

16. Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010. ноябрь. С. 12.

17. См.: www.nak.fsb.ru.

18. Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // НГ-религии. 2009. 16 сент.

19. Сухов И. Марш смертников // Время новостей. 2009. 18 сент.

20. РБК daily. 2009. 28 ноября.

УДК 323

Бусленко Н.И., д. полит. н., проф.

Информационная безопасность и ее политические трансформации

Статья посвящена поиску и определению места массовой информации в политической структуре и политических отношениях российского общества.

Ключевые слова и словосочетания: информационная безопасность; гражданское общество; информационное общество; гражданское поведение; доступ к информации.

Главной идеей современного общественного развития представляется единение и укрепление в равной мере трех составляющих - личности, общества, государства. Только сильное государство всей совокупностью своих возможностей может в полной мере гарантировать осуществление конституционных прав и свобод, экономических благ личности и общества, а демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления, каковым является Российская Федерация, может самоосуществляться только при наличии и поддержке граждан-